

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

А. Д. Грач

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

До сих пор в историко-археологической литературе не существует единого понятия древнетюркского времени. Между тем определение понятия «древнетюркское время» вовсе не является только совокупностью вопросов терминологического порядка — это определение несомненно важно для постановки и разработки целого ряда общеисторических проблем.

Правомерно ли отрицание понятия «древнетюркское время» или отнесение к этому времени только тех памятников, которые датируются эпохой существования тюркских каганатов VI—VIII вв.? Думается, что подобная точка зрения совершенно неправомерна. Современные исследования вполне убедительно показывают, что во времена существования каганатов центрально-азиатских тюрков (552—745) и уйгуров (745—840) этническая карта центральной Азии и ряда сопредельных с ней территорий не претерпела коренных изменений, а смена одного каганата другим свелась в основном к смене политической гегемонии. Серьезные изменения этнической карты имели место в эпоху кыргызской экспансии — в период нашествия енисейских кыргызов из-за Саян, когда древнетюркские кочевники, обитавшие южнее Саян и Танну-Ола, были временно оттеснены со своих территорий. Историческим событием, приведшим к еще большим изменениям этнической карты — изменениям коренного и длительного характера, явилось образование в Центральной Азии киданьской империи Ляо, основанной Елюй Амбагянем в 916 г.

В историко-хронологическом отношении древнетюркское время характеризуется возникновением и бытованием на очень широких территориях и у разных этнических образований тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся очень наглядно в материальной культуре — в форме оружия, бытовых предметов,

конской сбруи, украшений, сосудов. В числе важных моментов, определявших общность древнетюркской культуры, следует, конечно, назвать древнетюркскую руническую письменность, а также погребальный обряд древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и в первую очередь погребения с конем, получившие широкое распространение с VII в. н. э.

Итак, хронологические границы древнетюркского времени охватывают период с VI в. по первую четверть X в., т. е. эпоху существования не только могущественных каганатов тугю, но и государств уйгуров и енисейских кыргызов. Что же касается термина *тюрк*, то он, как это особенно ясно показали В. В. Бартольд, А. Н. Кононов и С. П. Толстов, явился собирательным именем военного союза племен.

В специальной литературе получил распространение тезис, согласно которому государства древних тюрков представляли собой пестрые конгломераты, временные и непрочные военно-административные объединения¹. Новейшие археологические исследования в сочетании с данными нарративных источников не позволяют считать этот тезис справедливым: во-первых, государства древнетюркского времени существовали столетиями, а, во-вторых, исследования погребальных комплексов, проведенные на широких территориях (Тува, Монголия, Хакассия, Южный Алтай, Казахстан, Средняя Азия), свидетельствуют о том, что в состав каганатов входили крупные и сравнительно устойчивые этнические группировки, которые вовсе не были эфемерными объединениями. Дробление этнической карты произошло, по-видимому, значительно позднее — в результате исторических событий, имевших место главным образом при сложении и развитии монгольской империи. Добавим к тому же, что перенесение известной формулы о временном и непрочном характере и этнической конгломератности империй Кира и Александра, Цезаря и Карла Великого — формулы несомненно справедливой применительно к этим империям, совершенно неправомерно применительно к каганатам древнетюркского времени; нельзя забывать о том, что речь идет о совершенно разных эпохах и совершенно различных исторических образованиях.

Обобщение данных историко-археологических исследований позволяет выделить следующие основные этно-культурные зоны, существовавшие в древнетюркское время:

---

¹ С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М.—Л., 1951, стр. 491 (далее — Киселев, *История*); Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, М.—Л., 1953, стр. 1, 94.

1. Зона племен, входивших в состав центрально- и среднеазиатских тюркских каганатов (Монголия, Тува, Алтай, Казахстан, Восточный Туркестан, ряд территорий Средней Азии).

2. Зона племен, входивших в состав государства Хягас — древних кыргызов (Минусинская котловина, а с 840 г. по начало X в. — Монголия, Тува, Алтай) ².

3. Зона племен, входивших в объединение курыкан (Прибайкалье).

Помимо ряда существенных элементов материнской культуры наиболее показательным критерием для выявления историко-культурных зон является погребальный обряд. Так, например, применительно к первой выделяемой нами зоне — у центральноазиатских племен, входивших в состав каганата тугюк, характерны следующие хронологические варианты и типы погребального обряда: а) до первой четверти VII в. включительно — погребения по обряду трупосожжения, заключенные в кольцевые выкладки; возле погребений — поминальные стелы в оградках; б) в VII—VIII вв. — трупоположения с конем, ориентация человека — головой на восток, коня — головой на запад; в) в VIII—IX вв. — трупоположения с конем, ориентация человека — головой на север, северо-запад, коня — на юг; г) в IX—X вв. — трупоположения без коня, ориентация погребенного — головой на север, северо-запад (погребения сrostкинского типа) ³. Применительно ко второй выделяемой зоне (древние енисейские кыргызы) — трупосожжение, остатки которого через год переносились на место погребения, где помещались на древней поверхности почвы и

² Л. Р. Кызласов выдвинул тезис о гегемонии енисейских кыргызов в Туве и после первой четверти X в. (до 1207 г., т. е. до монгольского завоевания), а также о датировке ряда памятников енисейского письма XI—XII вв. (см. Л. Р. Кызласов, *О южных границах государства древних такасов в IX—XII вв.*, — «Уч. зап. ХНИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 56—77; его же, *Новая датировка памятников енисейской письменности*, — СА, 1960, № 3, стр. 93—120; его же, *Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении)*, — «Вестник МГУ», ист. науки, сер. IX, № 1, 1960, стр. 66, 78, 82 и сл. (далее — Кызласов, *Этапы*); ср., однако, И. А. Батманов, *О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, стр. 291—302; С. И. Вайнштейн, *Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары*, — там же, стр. 265 и сл.; Л. Г. Нечаева, *Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты*, — «Груды ТКЭАН», т. II, М.—Л., 1966, стр. 108, 140—142 (далее — Нечаева, *Погребения*).

³ М. П. Грязнов, *Древние культуры Алтая*, — «Материалы по изучению Сибири», вып. 2, Новосибирск, 1930; Киселев, *История*, стр. 552 и сл.; его же, *История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка*, — МИА, № 48, М.—Л., 1956, стр. 145—152.

в неглубоких могильных ямах, после чего сооружался курган⁴ (дети хоронились по обряду трупоположения)⁵.

Погребальные памятники, не характерные для основных этнических групп той или иной историко-культурной зоны древнетюркского времени, но тем не менее встречающиеся на ее территории, отражают политические или этнические движения. Так, погребения с трупоположением и, как правило, с сопроводительным захоронением коня, обнаруженные на территории Минусинской котловины (долина р. Таштык⁶, Уйбатский чаатас⁷, долина р. Туба⁸, Капчалы II⁹), отражают период подчинения енисейских кыргызов засаянским тюркам и, по-видимому, оставлены на Среднем Енисее своего рода «гарнизонами». С другой стороны, кыргызские погребения с сожжением, обнаруженные не только южнее Саян¹⁰, но и южнее Танну-Ола — на границе котловины великих озер Монголии¹¹, отражают эпоху экспансии енисейских кыргызов на юг — события, завершившиеся в 840 г. разгромом

⁴ С. А. Теплоухов, *Опыт классификации металлических культур Минусинского края*, — «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, стр. 54 и сл. (далее — Теплоухов); Л. А. Евтюхова, *К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее*, — «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938, стр. 111—122; ее же, *Археологические памятники енисейских кыргызов-хакасов*, Абакан, 1948, стр. 6—59 (далее — Евтюхова, *Памятники*); Л. Евтюхова и С. Киселев, *Чаатас у с. Копены*, «Труды ГИМ», вып. XIII, 1940; Киселев, *История*, стр. 565 и сл., 583—587, 598—604; В. П. Левашева, *Два могильника кыргыз-хакасов*, — МИА, № 24 (Материалы и исследования по археологии Сибири, т. 1), 1952, стр. 121—129, 135 и сл. (далее — Левашева); Исторические свидетельства см.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. 1, М.—Л., 1950, стр. 353; Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Дальнего Востока*, М., 1961, стр. 6.

⁵ Евтюхова, *Памятники*, стр. 55.

⁶ Теплоухов, стр. 56.

⁷ Евтюхова, *Памятники*, стр. 61—64, рис. 112—115.

⁸ С. В. Киселев, *Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.*, — «Ежегодник Минусинского музея», 1929, стр. 146—147.

⁹ Левашева, стр. 121, 129—136; Евтюхова, *Памятники*, стр. 60, 64—67.

Могильник Капчалы II не может быть датирован временем не ранее второй половины IX в., как это предлагает автор раскопок В. П. Левашева на основании находки в одном из погребений китайской монеты с девизом кайюань-тунбао. В отношении этих монет существуют две точки зрения. Согласно одной из них, выпуск этих монет датируется 713—741 гг., согласно второй — эти монеты чеканились с 621 по 927 г.

¹⁰ А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева, *Краткие итоги полевых исследований, проведенных археологическим отрядом ТКЭ АН в 1959 г.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, стр. 186—189; Нечаева, *Погребения*, стр. 108—142; Кызласов, *Этапы*, стр. 78—83; М. Х. Маннай-оол, *Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. X, 1963, стр. 240—242.

¹¹ Могильник Саглы-Бажи I, раскопки А. Д. Грача, 1960 г.

уйгурского каганата и вытеснением кочевого населения Тувы и Монголии на другие территории.

Важным источником для разработки проблемы этнических территорий являются древнетюркские каменные изваяния¹², в отношении которых было установлено, что границы их распространения совпадают с политическими границами каганата тугю, — иными словами, обряд установки каменных изваяний, изображавших наиболее могущественных побежденных врагов, бытовал у племен, входивших в состав этого политического объединения. Так, изучение изваяний позволило заключить, что северные районы Тувы (Кара-Холь, Сут-Холь, Пий-Хем) до 840 г. не входили в состав государства Хягас. Саянский хребет был политической и этнической границей, а хребты Чихачева и Шашальский, возвышающиеся на рубеже Тувы и Алтая, такой границей не являлись, т. е. на Алтае и в Туве в древнетюркское время жили родственные этнические группы. Совершенно очевидно, что и хребет Танпу-Ола, расположенный на юге Тувы, вдоль рубежей пылешней Монголии, тоже не служил этническим барьером.

Племена, обитавшие в древнетюркское время на очень отдаленных друг от друга территориях, были объединены широкими экономическими и культурными связями. Ареал этих связей охватывал обширные территории — от пределов Китая на Востоке до границ Византии на западе. Нити культурных, а часто и этнических связей, тянувшихся из горно-степных пространств Монголии и Тувы на территорию Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана, позволяют установить археологические материалы, и в частности петроглифы — источники, до сравнительно недавнего времени не привлекавшиеся для рассмотрения проблем этногенеза¹³.

Исторические источники и археологические данные позволяют, наконец, сделать вывод о паличии у кочевого населения разных историко-культурных зон древнетюркского времени очень значительной и в то же время своеобразной по формам имуществен-

---

¹² Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — МИА, № 24, М., 1952; А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы (По материалам исследований 1953—1960 гг.)*, М., 1961; Я. А. Шер, *Каменные изваяния Семиречья*, М.—Л., 1966.

¹³ А. Д. Грач, *Петроглифы Тувы, I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции)*, — МАЭ, т. XVII, стр. 385—403, 408—414, 426 и сл.; его же, *Петроглифы Тувы II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.)*, — МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 339—383; В. А. Ранов, *Наскальные рисунки у кишлака Лянгер (Западный Памир)*, — «Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», вып. 1, (22), стр. 25—27, 39; *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 121—124.

ной и социальной дифференциации¹⁴, а также, по-видимому, об использовании рабского труда (скорее всего — труда военнопленных) в горных работах и строительстве рудовозных дорог.

Древнетюркское время, хронологические рамки которого, как указывалось выше, охватывают VI — первую четверть X в. н. э. — время существования могущественных государств кочевников Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, — стало в истории тюркоязычных народов эпохой оформления крупных этнических объединений, многие из которых вошли в число предков ряда современных народов — тувинцев, алтайцев, хакасов, казахов, киргизов и других.

Главные задачи ведущихся сейчас археологических исследований памятников древнетюркского времени — дальнейшее собирание материалов, характеризующих основные периоды древнетюркского времени, и преодоление имеющихся лакун — поиск и исследование памятников периода, непосредственно предшествующего древнетюркскому времени, и памятников X—XII вв. — эпохи, предшествовавшей монгольскому времени; разработка вопросов этногеографии и этнических границ; исследование вопросов социального строя и основных направлений экономических и культурных связей. Археологические исследования должны вестись в подлинном комплексе с изучением данных этнографии, антропологии, лингвистики, нарративных источников, палеогеографии. Комплексность исследований должна предусматривать не простое суммирование сведений разных исторических и смежных с ними дисциплин, а подлинное взаимодействие и взаимопроникновение специальностей — только такого рода комплексный подход позволит продвинуть на новые рубежи большое и важное дело изучения древнетюркского времени.

---

¹⁴ Интересным отражением дифференциации по данным погребального обряда является не только различие в богатстве инвентаря, но и помещение в погребения бедных кочевников барана вместо коня. Эти факты были зафиксированы на очень удаленных друг от друга территориях — в Монгун-Тайге (юго-западная Тува) и на Среднем Енисее (Капчалы II).